

В современном китайском языке при обозначении количества предметов часто употребляются различные счётные слова. Сочетаемость счётных слов с существительными носит устойчивый характер. Числительные не могут самостоятельно выступать в роли определения, между числительными и существительными ставится счётное слово, в зависимости от лексического значения существительного [5].

Между китайским и русским языком существует очень много различий в многочисленных аспектах, таких как значение слов (семантика), грамматика, словарный запас языка, стилистика и происхождение. Для преодоления трудностей при изучении языка, китайским и российским студентам необходима регулярная языковая практика, в результате которой речевые образцы автоматизируются, что приводит к преодолению языкового барьера [7].

#### Литература:

1. Арбатская О.А. Некоторые особенности преподавания грамматики русского языка как иностранного // Русский язык в едином европейском образовательном пространстве (проблемы межкультурного взаимодействия): сборник статей I Международной научной заочной конференции / Отв. ред. А.Н. Сицына-Кудрявцева. М.: НИЯУ МИФИ, 2014. Вып. 1. С. 9–18.
2. Ли Минь. Языковые и речевые барьеры в русско-китайской коммуникации // Лингвокультурология. - 2008. - № 2. - С. 145-150.
3. Язык как средство общения [Электронный ресурс]. URL: <https://studopedia.org/10-100084.html> (Дата обращения: 08.09.2021)
4. Голованова, Д.А. Русский язык и культура речи: краткий курс / Д.А. Голованова, Р.И. Кудинова, Е.В. Михайлова. - М.: Окей-книга, 2009.
5. Основные трудности в изучении китайского языка и пути их преодоления [Электронный ресурс]. URL: <http://www.websmi.by/2020/08/osnovnye-trudnosti-v-izuchenii-kitajskogo-yazyka-i-puti-ih-preodoleniya/> (Дата обращения: 08.09.2021)
6. Трудности в изучении китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.divelang.ru/blog/useful/slozhnosti-v-izuchenii-kitajskogo-yazyka/> (Дата обращения: 05.09.2021)
7. Камалова, Р.Ш. Проблема гуманизации образования в современном обществе / Р.Ш. Камалова // Социально-гуманитарные науки и авиация: сборник материалов конференции, посвященной 20-летию кафедры гуманитарных и социальных дисциплин / под ред. М.Г. Светунькова, Г.В. Царёвой, А.Ш. Айзатулловой. – Ульяновск: УВА ГА (И), 2013. – С. 71-76

УДК 338.2

**Карпов Михаил Владимирович,**  
канд. исторических наук, доцент  
Школа Востоковедения факультета  
Мировой экономики и мировой политики  
НИУ ВШЭ  
[mikhail-karpov6@rambler.ru](mailto:mikhail-karpov6@rambler.ru); [mkarpov@hse.ru](mailto:mkarпов@hse.ru)

**НАКАНУНЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И  
ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В КИТАЕ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ  
ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ ПРИ ГОССОВЕТЕ КНР**

**Аннотация.** В статье рассматриваются оценки стратегических вызовов и задач экономического реформирования в Китае, высказанные в ряде аналитических публикаций сотрудниками Центра развития и Группы изучения средне и долгосрочных трендов развития при Госсовете КНР в 2010 -2011 годах. Данные публикации, впервые вводимые автором в научный оборот, представляют исключительный как научный, так и практический интерес. Они отражают уровень и характер понимания ведущими китайскими экспертами-экономистами, непосредственно близкими к партийно-государственному руководству страны, стратегических проблем и целей структурных хозяйственных (и – опосредованно – политико-институциональных) преобразований в Китае после 4-триллионного стимулирующего пакета 2008-2009 годов и в преддверии прихода к власти «пятого поколения руководителей» в 2012 году. Постфактум, очевидно, что экономическая стратегия «дерегулирования народного хозяйства», взятая на вооружение правительством КНР ранней весной 2013 года, была ориентирована на, по крайней мере, начало решения тех стратегических задач, которые были сформулированы впервые в рассматриваемых публикациях 2010 -2011 годов.

**Ключевые слова и фразы:** экономика КНР, структурные экономические реформы, «новая нормальность», «ловушка среднего дохода».

**Karpov Mikhail Vladimirovich,**  
cand. of Historical Sciences, Associate Professor  
School of Oriental Studies of the Faculty of World  
Economy and World Politics of the  
Higher School of Economics  
mikhail-karpov6@rambler.ru ; mkarpov@hse.ru

**ON THE EVE OF THE "NEW NORMAL": STRATEGIC CHALLENGES AND  
TASKS OF ECONOMIC REFORMS IN CHINA THROUGH THE EYES OF EXPERTS  
OF THE DEVELOPMENT CENTER UNDER THE STATE COUNCIL OF THE  
PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

**Abstract.** The article considers the assessments of strategic challenges and tasks of economic reform in China, expressed in several analytical publications by the staff of the Development Center and the Group for the Study of Medium and Long-term Development Trends under the State Council of the People's Republic of China in 2010 -2011. These publications, which are introduced by the author into scientific circulation for the first time, are of exceptional both scientific and practical interest. They reflect the level and nature of the understanding of the leading Chinese economic experts, who are directly close to the party-state leadership of the country, of the strategic problems and goals of structural economic (and, indirectly, political and institutional) transformations in China after the 4 – trillion stimulus packages of 2008-2009, and on the eve of the "fifth generation of leaders" coming to power in 2012. With the benefit of hindsight, it is obvious that the economic strategy of "deregulation of the national economy", adopted by the Government of the People's Republic of China in the early spring of 2013, was focused on at least the beginning of solving those strategic tasks that were formulated for the first time in the publications of 2010 -2011.

**Key words and phrases:** China's economy, Structural economic reforms, "New normal", "Middle income trap".

Летом 2011 года ряд аналитиков Центра развития и Группы изучения средне и долгосрочных трендов развития Государственного комитета по делам развития и реформ при Госсовете КНР выступила с обширной и чрезвычайно интересной статьей «Ловушка или высокая стена? Подлинные вызовы, стоящие перед экономикой Китая и выбор стратегии». [4, с. 109–136] Данная статья до сегодняшнего дня практически не известна за

пределами КНР. Автору этих строк не удалось обнаружить решительно никаких ссылок на нее ни в трудах отечественных ученых или аналитиков, ни в работах зарубежных коллег – китаеведов или экономистов. Между тем, эта статья очевидно имеет фундаментальное значение для понимания и анализа практических причин и теоретических истоков социально-экономических преобразований и политической динамики Китая в эпоху лидерства Си Цзиньпина, то есть в период с рубежа 2012 -2013 годов и до настоящего времени.

Авторы статьи – не из числа академических ученых или университетской профессуры. Перед нами текст, подготовленный аналитиками-практиками, сотрудниками именно тех аналитических подразделений правительства КНР, которые занимаются оперативным анализом и выработкой стратегических рекомендаций для высшего эшелона партийно-государственного руководства современного Китая.

Государственный комитет по делам развития и реформ при Госсовете (правительстве) КНР – наследник Государственной плановой комиссии Госсовета (до 1998 года) и Государственного комитета планового развития КНР (до 2003 года) – является головным макроэкономическим регулятором страны, практически координирующим деятельность остальных центральных регуляторов в лице Народного банка КНР (ЦБ), Министерства финансов, Комитета по надзору за банковской деятельностью и фондовым рынком и т.д. Помимо практической координации центральных регуляторов в процессе проводимой в стране макроэкономической политики, Государственный комитет по делам развития и реформ КНР занимается выработкой основных направлений этой политики, равно как и оперативным и стратегическим прогнозированием социально-экономического развития современного Китая.

В этом контексте упомянутая статья, несомненно, является непосредственным отражением уровня и структуры понимания аналитиками центрального правительства КНР социально-экономических вызовов, вставших перед страной к середине 2010-х годов. Содержащиеся в статье весьма предметные рекомендации относительно стратегии ответов на эти вызовы позволяет понять также ключевые аспекты логики действий правительства Китая в последующие годы, вплоть до настоящего времени. Ретроспективный взгляд на стратегии социально-экономического реформирования страны, взятые на вооружение «пятым поколением» руководителей КНР во главе с Си Цзиньпином весной 2013 года, **позволяет определенно утверждать**, что основные положения рассматриваемой статьи явились не просто аналитическими выкладками отдельных представителей высшего эшелона экспертного сообщества Китая, но явились, так сказать, руководством к действию, послужив непосредственным теоретическим обоснованием той политики, к реализации которой лидеры страны вскоре приступили.

К весне 2011 года, то есть к началу работы экспертов над текстом статьи, макроэкономические регуляторы центрального правительства КНР оказались перед лицом ощутимого обострения структурных диспропорций в народном хозяйстве страны. Эти диспропорции формировались и накапливались – с различной динамикой – на протяжении всех десятилетий «реформ и открытости» в Китае. Речь идет о хорошо известных специалистам проблемах инвестиционно-затратной модели роста – доминировании мягкого бюджетного ограничения, пузырей государственных гарантий, циклических «перегревах» и «переохлаждениях» в динамике кредитно-денежной эмиссии, в общих темпах роста ВВП, на внутреннем фондовом рынке и рынке недвижимости, росте объемов «плохих долгов» в официальной отчетности и вне ее у госбанков и предприятий различных форм собственности, скрытой инфляции и «навесе ликвидности».

Данные проблемы не только осознавались руководством страны. В принципе, следует признать, что институциональные структуры китайских регуляторов, а также их практическая деятельность, не всегда в полной мере очевидная и понятная для сторонних наблюдателей, в особенности из-за рубежа, за десятилетия реформ очень хорошо

приспособились к *оперативному* купированию отмеченных диспропорций в те моменты, когда они приобретали выраженно дестабилизирующий характер. [6, с. 126]

Что же касается *стратегического* преодоления системных истоков этих диспропорций – государственных «репрессий на капитал» и в целом договорно-рендного механизма генерирования экономического роста – то здесь успехи китайских центральных регуляторов оказались намного скромнее. [1, с. 1–15] Естественный путь стратегического преодоления этих системных истоков – дерегулирование финансовой системы, то есть тот комплекс мер, который обычно именуется «финансовой либерализацией» – были (и остаются) чреватых плохо прогнозируемыми не только социально-экономическими, но и политико-институциональными последствиями, так как неизбежно, хотя и не моментально, затрагивают основы конструкции политической власти в стране.

Особенность ситуации весной-летом 2011 года состояла, однако, в том, что, по крайней мере, *с точки зрения*, высшего эшелона китайского экспертного сообщества, указанные структурные диспропорции обострились до такой степени, что возникла потребность в разработке и реализации комплексной социально-экономической политики, направленной на их *стратегическое преодоление*.

Фундаментальным триггером такого обострения стали макро и микроэкономические последствия 4-х триллионного пакета финансового стимулирования, полученного экономикой КНР в 2008 –2009 годах. В рассматриваемой статье этот триггер не описывается и даже не упоминается. Однако, значительное число публикаций в китайской экономической печати и в официальных документах центральных регуляторов, прежде всего, в докладах все того же Государственного комитета по делам развития и реформ при Госсовете, начиная с 2010 года, однозначно указывают на 4-х триллионный стимул как на «источник всех бед». [3, с. 154-180; 5, с. 57-109; 7, с.78-93]

На основе этих публикаций становится очевидным, что наибольшее беспокойство у экспертов вызывали следующие проблемы.

Во-первых, резкое утяжеление объема «плохих долгов» на балансах региональных правительств и курируемых ими банков и предприятий (т. н. «региональные инвестиционные площадки»), при общем росте внутреннего долга до 200% к ВВП.

Во-вторых, резкое увеличение затрат на единицу продукции по экономике в целом.

В-третьих, беспрецедентное по скорости и масштабам распространение «теневого банкинга» и его кредитных цепочек, пронизавших, по сути дела, все народное хозяйство. К концу 2011 года активы «теневого банкинга» оценивались пекинскими экспертами, как минимум, в треть ВВП. Ключевая проблема здесь состояла в том, что активы «теневых банкиров» и их обязательства перед клиентами и друг другом, хотя и находились за пределами отчетности госбанков, но в реальности не были от последних четко отделены. В большинстве случаев «теневой банкинг по-китайски» работает с государственными деньгами, которые получает от госбанков в рамках «серых» кредитных схем под низкий процент. Далее «теневики» предоставляют эти средства своим клиентам под намного более высокий процент. Прибыль делится между госбанком и «теневым банкингом» также в соответствии с определенными «серыми» схемами. Разумеется, данные операции находятся вне пределов официальной отчетности госбанков, а «теневой банкинг» отчитываться перед государством в прямую не обязан. Центральные регуляторы резонно рассматривали эти схемы как потенциально дефолтные. [2, с. 94-97]

И, наконец, в-четвертых, растущее беспокойство вызывала динамика монетарного «навеса». В 2010 –2013 годах в КНР индекс денежной массы M2 превысил 200% от ВВП.

Очевидно, китайская экономика структурно не смогла в должной мере эффективно освоить предоставленный ей в 2008 –2009 годах исторически беспрецедентный объем ликвидности.

Рассматриваемая статья есть, в сущности, «удар в тревожный колокол», где «звонарем» выступили не политические лидеры страны, а близкие к ним эксперты. И, разумеется, этот «набат» был исполнен в соответствии с правилами идейно-политической

корректности, принятыми в КНР. Однако, от этого он не стал менее значимым и даже, в известной степени, пророческим.

Ключевая мысль статьи формулируется авторами в самом начале. Отталкиваясь от концепции «ловушки среднего дохода», в которую якобы может угодить, или уже угодил Китай, они пишут: «Мы считаем, что после окончания этапа ускоренной индустриализации, возможность того, что Китай окажется в «ловушке среднего дохода» по образцу стран Латинской Америки, весьма мала. Подлинный и очень серьезный вызов, стоящий перед Китаем, состоит в том, сможет ли он [...] в достаточной мере эффективно смягчить структурные противоречия и финансово-бюджетные риски, накопленные на этапе ускоренной индустриализации. Сможет ли [Китай] перейти от модели роста основанной на занижении стоимости его факторов, перейти к модели роста, основанной на инновациях и таким образом преодолеть порог, отделяющий Китай от стран с высоким уровнем дохода [...] Представляется необходимым путем активных, стимулирующих прогресс реформ, способствовать качественному продвижению в области трансформации модели развития». [4, с. 110]

По мнению авторов, в отличие от стран Латинской Америки и бывшего СССР, современный Китай обладает рядом существенных преимуществ. Государства Латинской Америки, согласно точке зрения китайских аналитиков, слишком долго оставались на этапе импортозамещающей индустриализации и пренебрегали созданием потенциала экспортно-ориентированной экономики. Это способствовало закреплению и консервации определенных паттернов развития, которые не позволили этим странам развиваться в унисон с динамикой и потребностями глобального рынка. [4, с. 120-121]

Что касается бывшего Советского Союза, то здесь, как считают наблюдатели из Пекина, слишком долго практиковалась крайне замкнутая, самодостаточная и при этом социально-экономически неэффективная высоко централизованная командно-административная модель, пренебрегавшая рыночными отношениями. Это привело к фундаментальному, глубокому застою и в итоге вылилось в системную дезинтеграцию. [4, с. 121-122]

Таким образом, ни страны Латинской Америки, ни бывший СССР не смогли вовремя скоординировать завершение этапа ускоренной индустриализации и плавно перейти к иным моделям экономического роста.

КНР, по мнению авторов, удалось счастливо избежать этих крайностей. С одной стороны, наряду с импортозамещающей индустриализацией, Китай с самого начала «реформ и открытости» приложил значительные и успешные усилия по созданию и стимулированию роста экспортно-ориентированной экономики. С другой стороны, активные фазы ускоренной индустриализации – как импортозамещающей, так и экспортно-ориентированной – сопровождались глубокими рыночными преобразованиями в народном хозяйстве страны в целом. Так что ни латиноамериканская «ловушка» застойного импортозамещения, ни советский «командно-административный застой» современному Китаю – во всяком случае, в чистом виде – не грозят.

Кроме того, по мнению авторов статьи, потенциал китайского внутреннего рынка весьма велик, динамика развития ключевых факторов роста хорошая. Страна обладает значительными объемами трудовых ресурсов. Себестоимость рабочей силы в КНР в целом по-прежнему низкая, уровень ее образования сравнительно высок. Трудовые ресурсы страны отличаются дисциплинированностью, а состояние их здоровья улучшается (так в тексте - М.К.) [4, с. 125–126]

Авторы, разумеется, длинным пассажем отдают дань достоинствам политической системы КНР, отмечая, что партийно-государственное руководство способствует поддержанию в обществе социально-политической стабильности и позволяет эффективно противостоять общественным потрясениям и политическим расколам, имевшим место в некоторых других странах на заключительных этапах ускоренной индустриализации. [4, с.

126] Здесь, очевидно, вновь имеется в виду латиноамериканский и поздний советский опыт.

Однако, далее пекинские эксперты несколько меняют тональность изложения с позитивно-оптимистической на более осторожную и даже предупреждающую. Они открыто выражают сомнения в том, что – несмотря на отмеченные системные преимущества – Китаю удастся преодолеть «высокую стену», отделяющую его от инновационной модели роста и развитых стран с высоким подушевым доходом. Дело в том, что, как выясняется, несмотря на рыночные реформы и бурное развитие экспортно-ориентированного сектора, на этапе ускоренной индустриализации КНР также накопила значительный объем структурных диспропорций, которые в контексте императивов смены модели роста превращаются в мощные препятствия для дальнейшего динамичного развития. Среди таковых авторы выделяют:

- Конкуренция региональных правительств между собой, препятствующая эффективному формированию «единого народнохозяйственного комплекса»;

- Монополизм правительств всех уровней (читай, государства) в вопросах контроля и распределения социально-экономических ресурсов и факторов производства, сохраняющиеся механизмы, инструменты и практики как прямого, так и косвенного вмешательства в общественно-экономическую жизнь;

- По-прежнему существующий примат государства в экономике, имеющий следствием маргинализацию частной инициативы;

- Недостаточная степень открытости внутреннего рынка, неравенство конкурентных условий для участников финансово-экономической деятельности;

- Несоответствие норм законодательства потребностям развития рыночной экономики;

- Постоянное откладывание «на потом» накопившихся системных проблем в сферах государственного бюджета, финансов и кредита;

- «Половинчатая урбанизация», то есть недостаточная степень включенности сельских мигрантов в городскую социально-экономическую и культурную среду;

- Низкая динамика вертикальной социальной мобильности. [4, с. 127-130]

Положа руку на сердце, указанный список проблем и противоречий, накопленных, как пишут авторы, в КНР за годы ускоренной индустриализации, может вызвать у внимательного читателя вопрос о том, не нивелирует ли характер и масштаб этих препятствий отмеченные авторами ранее относительные преимущества Китая? Иными словами, при всех несомненных отличиях КНР от латиноамериканского и советского опыта, насколько далеко современному Китаю удалось уйти от этого опыта в структурной реальности?

Далее в статье подчеркивается, что существует два пути решения накопившихся диспропорций и противоречий – активный и пассивный. Первый предполагает проведение, по сути дела, упреждающих динамичных, целенаправленных и стимулирующих преобразований. Второй – это путь ожидания и постепенного приспособления. Цена второго пути, по мнению авторов, может оказаться чрезвычайно высока. В сущности, они указывают на возможность возникновения неконтролируемой кризисной ситуации. Поэтому пафос статьи – абсолютный императив активного, преобразовательного реагирования на сложившуюся ситуацию. [4, с. 131]

Сможет ли Китай преодолеть «высокую стену» и перейти к новой модели экономического роста и к структуре, и динамике доходов населения – по мнению авторов - в решающей степени зависит от того, насколько «активные, стимулирующие прогресс» реформы окажутся в состоянии решить следующие узловые проблемы:

- Эффективно купировать и смягчить накопленные на этапе ускоренной модернизации бюджетные и финансовые риски;

- Качественно улучшить показатели эффективности и прибыльности на промышленных предприятиях. Общие высокие темпы роста в прошлом маскировали серьезные недостатки в этих сферах;
- Качественно перестроить механизмы и целеполагание макроэкономического контроля и регулирования;
- Создать в полной мере эффективную рыночную среду, прежде всего, в смысле равноправных условий конкуренции ее участников;
- Способствовать дальнейшему открытию рынка, преодолению государственного монополизма;
- Качественно улучшить структуру и динамику процесса урбанизации, ускоренно способствовать превращению сельских мигрантов в «полноценных горожан» в социально-экономическом и культурном смысле;
- Создать путем углубления реформ и открытости систему высшего образования и научных исследований, отвечающих требованиям «инновационного строительства»;
- Путем системных преобразований в области трудоустройства, профессионализации и распределения доходов способствовать ускоренному росту социальных групп со средними доходами;
- Создать современную финансовую систему, отвечающую требованиям «инновационного развития», эффективно децентрализованную и способную противостоять возникающим в этой сфере рискам;
- Трансформировать функции правительств всех уровней таким образом, чтобы государство от «руководства экономическим ростом» перешло к «руководству обслуживанием общественных интересов». [4, с. 132-134]

Далее следует едва ли не самый интересный – в контексте последующих реформ эпохи Си Цзиньпина и т. н. «новой нормальности» - сюжет статьи. Авторы указывают, что, согласно их расчетам, этап ускоренной индустриализации в КНР естественным образом завершится в 2015 году. Иными словами, в районе 2015 года темпы экономического роста в любом случае начнут снижаться под влиянием структурных диспропорций инвестиционно-затратной модели. ***И это – пишут они - как раз и будет «новая норма».*** Отметим на полях, что термин «новая нормальность» получил, так сказать, «официальную прописку» в китайском политическом и аналитическом лексиконе лишь в мае 2014 года, после соответствующего заявления Си Цзиньпина в ходе его инспекционной поездки в провинцию Хэнань.

Таким образом, как считают эксперты Госсовета, «окно возможностей» для «активных, стимулирующих прогресс» преобразований открывается для Китая между 2013 и 2017 годами. [4, с. 122] ***Авторы статьи, по сути дела, утверждают, что начинать «шторм высокой стены» необходимо никак не позднее 2013 года.***

Оглядываясь назад и анализируя последовательность и динамику социально-экономических стратегий «пятого поколения руководителей КНР», инициированную Си Цзиньпином и Премьером Госсовета Ли Кэцяном ***именно в начале 2013 года***, можно определенно утверждать, что идеи и концепции, высказанные в рассмотренной статье, имели ***фундаментальное влияние*** на структурное содержание решений, принятых лидерами страны на рубеже 2012 -2013 годов. Степень успешности и мера практической адекватности взятых на вооружение стратегий – уже иная история, находящаяся за пределами нашего повествования.

#### Литература:

1. Shih, V.C. *Factions and Finance in China: Elite Conflict and Inflation*. Cambridge University Press. – 2008. - P. 1-15.
2. Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Чжунгоши инцзы иньхан (Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Теневые банки по-китайски) // Цайцзин - 11.02.2013. - С. 94-97.

3. Лу Фэн. Хунтяодэ лоцзи. (Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования). China CITIC Press. – 2016 – Р. 154 -180.
4. Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Сянцзин хайши гаоцян? Чжунго цзинци мяньлиньдэ чжэньши тяочжань ю чжаньлюе сюаньцзэ. (Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Ловушка или высокая стена? Подлинные вызовы, стоящие перед экономикой Китая и выбор стратегии») // Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. (Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности). - China CITIC Press. – 2016. – с. 109 -136.
5. Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. (От борьбы с кризисом к новой нормальности). China CITIC Press. – 2016. – С. 57 -109.
6. Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Цзэмме ю гожелэ? Синь и лунь цзинци бодун юй хунгуань тяокун фэньси (Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Почему опять перегрелись? Анализ нового цикла экономических колебаний и макро-регулирования). Цзянси жэньминь чубаньшэ (Народное издательство провинции Цзянси). – 2005. - С. 126.
7. Чжоу Цижэнь. Хуоби тяокундэ чжунго тэсы (Чжоу Цижэнь. Китайская специфика денежного регулирования. - Peking University Press. – 2012. – с. 78-93.

УДК 327

**Кожухова Кира Евгеньевна**

Кафедра политологии

ФГБОУ ВО МГЛУ

kira.kozhuhova@mail.ru

### **КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КНР (НА ПРИМЕРЕ АСЕАН)**

**Аннотация.** В статье рассматривается влияние китайской стратегической культуры на специфику взаимоотношений КНР и стран АСЕАН.

**Ключевые слова и фразы:** стратегическая культура; КНР; АСЕАН; международные отношения; мировая политика.

**Kozhukhova Kira Evgenyevna**

Department of Political Science

MSLU

kira.kozhuhova@mail.ru

### **CHINESE STRATEGIC CULTURE IN THE FOREIGN POLICY PRACTICE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (ON THE EXAMPLE OF ASEAN)**

**Abstract.** The article examines influence of Chinese strategic culture on the specifics of relations between China and the ASEAN countries.

**Keywords and phrases:** strategic culture; China; ASEAN; international relations; world politics.

В современных международных отношениях страны во внешней политике выражают национальный подход к реализации своих интересов, целей и задач. Зачастую внешнеполитический курс основан на поддержании мира и безопасности государства,